Убик

Автор:
Филип Дик

Убик

Филип Киндред Дик

Добро пожаловать в мир будущего!

Человечество успешно колонизировало Луну, а многие люди открыли в себе паранормальные способности. Корпорации телепатов и антителепатов ведут между собой бесконечную войну. Смерти нет – теперь умерших родственников погружают в специальные криокамеры, где они продолжают существовать в новой реальности группового подсознания. Но и в этом дивном мире происходит неожиданная катастрофа: время начинает обращаться вспять, поглощая не только предметы, но и людей…

Филип К. Дик

Убик

Philip K. Dick

UBIK

Copyright © 1969, Philip K. Dick.

Copyright renewed © 1997, Laura Coelho, Christopher Dick, Isolde Hackett

All rights reserved

© М. Гутов, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Тони Бучеру посвящается

Ich sih die liehte heide

in gr?ner varwe stan,

Dar suln wir alle gehen,

die sumerzeit enphahen.

Я вижу лес зеленый,

Где солнце на листве горит.

Туда пойдем встречать мы лето,

Оно нас всех манит.

Глава 1

Пятого июня 1992 года в три тридцать утра с карты нью-йоркского бюро Корпорации Ранситера исчез ведущий телепат Солнечной системы. Тут же последовал шквал звонков по видеофонам. За последние два месяца организация Ранситера потеряла след слишком многих медиумов Холлиса, очередное исчезновение встревожило всех не на шутку.

– Мистер Ранситер? Простите, что беспокою. – Дежурный оператор в контрольной комнате нервно кашлянул, когда массивная взъерошенная голова Глена Ранситера заполнила экран видеофона. – Сообщение нашего инерциала. Сейчас взгляну.

Техник порылся в куче лент на столе.

– Информация мисс Дорн. Она, если помните, вела его до Грин-Ривер, штат Юта, где…

– Кого вела? – спросонья рявкнул Ранситер. – Я не могу все время держать в голове, кто каким прогностом или щупачом занимается. – Он пригладил жесткие седые волосы. – Короче, кого потеряли на этот раз?

– С. Доула Мелипона.

– Что?! Исчез Мелипон? Смеетесь надо мной?

– Я вполне серьезно, – заверил Ранситера оператор. – Эди Дорн и еще два инерциала вели его до мотеля «Полиморфных эротических ощущений». Это подземное сооружение на шестьдесят номеров, особых развлечений клиентам не предлагают, но самостоятельные люди любят уединяться там со своими шлюхами. Эди посчитала, что Мелипон тоже приехал отдохнуть, но на всякий случай вызвала нашего телепата Дж. Дж. Эшвуда, чтобы тот его прощупал. Эшвуд натолкнулся на такой запутанный узор помех вокруг сознания Мелипона, что махнул рукой и вернулся в Топеку, Канзас, где нашел для нас новое дарование.

Ранситер уже отошел ото сна; подперев подбородок ладонью, он мрачно курил, выпуская дым на сканер видеофона.

– Вы уверены, что это был действительно Мелипон? Никто ведь толком не знает, как он выглядит. Думаю, не реже чем раз в месяц он изменяет внешность. Поле замерили?

– Да, мы направили к мотелю Джо Чипа. Он снял напряженность поля. По максимуму получилось 68,2 БЛР телепатической ауры. Такое под силу только Мелипону. Мы тут же выставили на карте его опознавательный значок. А теперь он, то есть значок, исчез.

– Может, упал на пол? Свалился за карту?

– Нет, он просто погас. Человека, которого он представляет, нет на Земле и, насколько мы можем судить, в зоне колоний тоже.

– Я посоветуюсь со своей умершей женой, – сказал Ранситер.

– Сейчас ночь. В такое время все мораториумы закрыты.

– Только не в Швейцарии. – Лицо Ранситера исказила усмешка, словно какой-то отвратительный ночной флюид попал в его немолодое горло. – До свидания.

Владелец Мораториума Возлюбленных Собратьев Герберт Шонхайт фон Фогельзанг, как всегда, пришел на работу раньше своих сотрудников, когда холодное, наполненное гулким эхом здание только начинало оживать. Тем не менее у регистратуры уже томился похожий на клерка озабоченный человек в темных очках, блейзере с муаровым воротником и остроносых желтых туфлях. В руках посетитель держал корешок квитанции об оплате вызова. Вне всякого сомнения, клерк явился проведать родственника в преддверии праздника Поминовения. Да, скоро здесь начнется настоящая суматоха.

– Позвольте лично принять ваш заказ, сэр. – Герберт одарил клиента любезной улыбкой.

– Она совсем старушка, – сказал клерк. – Ей около восьмидесяти, такая маленькая и высохшая. Это моя бабушка.

– Одну минуту. – Герберт направился к морозильнику с саркофагами, нашел номер 3054039-В и сверился с контрольной карточкой.

Полужизни оставалось на пятнадцать дней. Не так уж много, отметил Герберт, машинально подсоединяя мобильный усилитель протофазонов к прозрачному пластику саркофага. Потом настроил его на необходимую для приема мозговых колебаний частоту.

Из динамика донесся слабый голос:

– …а потом Тилли растянула лодыжку. Мы думали, она вообще не встанет, а она тут же попыталась ходить, такая глупость…

Удовлетворенный, Герберт отсоединил усилитель и распорядился доставить номер 3054039-В в переговорную, где клиент вступит со старухой в непосредственный контакт.

– Вы ее проверили? – на всякий случай поинтересовался посетитель.

– Лично, – заверил его фон Фогельзанг. – Связь превосходная. – Он несколько раз щелкнул переключателями и отошел в сторону. – Счастливого Дня поминовения, сэр.

– Благодарю вас.

От ледяной оболочки саркофага поднимался легкий пар.

Посетитель занял свое место, надел наушники и отчетливо проговорил в микрофон:

– Флора, дорогая, ты слышишь меня? По-моему, я тебя уже слышу. Флора?

«Перед смертью, – подумал Герберт Шонхайт фон Фогельзанг, – оставлю завещание оживлять меня раз в сто лет. Так я смогу проследить за судьбой человечества. Потомкам это, конечно, влетит в огромную сумму…» Герберт знал, чем все закончится. Рано или поздно они взбунтуются, вытащат его тело из замороженного саркофага и… не приведи, конечно, бог, предадут земле.

– Предание земле – это варварство, – пробормотал вслух Герберт. – Рецидив первобытной культуры.

– Совершенно верно, сэр, – откликнулась из-за пишущей машинки секретарша.

В переговорной уже находилось несколько посетителей. Каждый занял место перед своим саркофагом. В священной, торжественной обстановке шло общение живых с ушедшими в полужизнь родственниками. Зрелище успокаивало. Живые хранили верность и регулярно воздавали дань неживым, приносили им вести из внешнего мира, скрашивали редкие минуты церебральной активности. И… исправно платили Герберту Шонхайту фон Фогельзангу. Содержать мораториум было прибыльным делом.

– Что-то мой отец сегодня слабоват, – обратился к Герберту молодой посетитель. – Не могли бы вы уделить немного времени и проверить его? Я был бы вам очень благодарен.

– Конечно, – кивнул Герберт, следуя за клиентом к саркофагу с почившим родственником.

Судя по контрольной табличке, полужизни оставалось всего на несколько дней, из-за чего связь с мозгом и была столь слабой. И все же… Герберт повернул ручку усилителя протофазонов, и голос полуживого в наушниках несколько окреп.

«Он почти кончился», – подумал Герберт. Сын явно старался не смотреть на табличку, указывающую, что контакты с отцом завершаются.

Ничего не сказав, владелец мораториума отошел, предоставив им общаться дальше. Стоит ли говорить молодому человеку, что это, может быть, его последний визит сюда? Он и так это скоро поймет.

К задним воротам мораториума подкатил фургон, двое служащих в бледно-голубых комбинезонах спрыгнули на землю. Герберт хорошо знал фирму «Атлас Интерплан – хранение и доставка». Наверное, привезли только что умершего или забирают полуживого, чье время истекло.

Он неторопливо направился в их сторону, чтобы все выяснить, когда подбежала секретарша.

– Простите, герр Фогельзанг, что прерываю ваши размышления, но здесь клиент, он настаивает, чтобы вы лично помогли реактивировать его супругу. – С особой интонацией она закончила: – Это мистер Глен Ранситер, только что прибыл из Североамериканской Конфедерации.

Навстречу Герберту уже шел упругой походкой высокий пожилой человек с крупными руками и живым взглядом. На нем был разноцветный немнущийся костюм, вязаный жилет и яркий галстук. Наклонив вперед крупную, как у кота, голову, он вглядывался в Герберта слегка выпуклыми, теплыми и очень умными глазами. Лицо Ранситера выражало профессиональную приветливость и внимание, на мгновение он одарил ими Фогельзанга, но уже в следующую минуту смотрел сквозь него, увлеченный предстоящим делом.

– Как Элла? – прогудел Ранситер. Казалось, что голос его усиливается электронными устройствами. – Надо ее расшевелить. Ей всего двадцать, она должна быть в лучшей форме, чем вы или я.

Он захохотал, но прозвучало это как-то неуместно. Ранситер постоянно улыбался и хохотал, голос его всегда гудел, хотя на самом деле он никого не замечал и никем не интересовался. Это его внешняя оболочка улыбалась, кивала и подавала руку.

Ничто не тревожило недосягаемого сознания Ранситера. Не обращая больше на Герберта особого внимания, он потащил его за собой к морозильнику, где среди прочих полуживых находилась и его жена.

– Давненько вы у нас не бывали, мистер Ранситер, – заметил Герберт, пытаясь припомнить, сколько полужизни оставалось у Эллы по контрольной таблице.

Подталкивая Герберта широченной лапой, Ранситер прогудел:

– Наступил очень важный момент, фон Фогельзанг. Мы, то есть я и мои помощники, столкнулись с проблемой, не поддающейся рациональному объяснению. Большего я на данном этапе рассказать не могу, но дело видится нам весьма мрачным, хотя и не безнадежным. Отчаиваться мы не собираемся

при любом раскладе. Где Элла? – Он остановился и нетерпеливо огляделся.

– Ее немедленно доставят в переговорную, – ответил Герберт.

Как правило, посетители вообще не допускались в морозильник.

– У вас есть квитанция с номером?

– Ну конечно, нет! Я давно ее потерял. Вы знаете мою жену и найдете ее и так. Элла Ранситер, двадцать лет. – Ранситер нетерпеливо огляделся. – Хорошо, где тут у вас переговорная? Надеюсь, ее-то не придется искать?

– Проводите мистера Ранситера в переговорную, – приказал Герберт сотруднику, крутившемуся поблизости, явно желая получше разглядеть всемирно известного главу крупнейшей защитной организации.

Заглянув в комнату, Ранситер поморщился:

– Да здесь полно людей! Я не могу разговаривать с Эллой в таких условиях. – Он догнал Герберта, направившегося было в архив. – Мистер Фогельзанг. – Огромная лапа снова легла на плечо владельца мораториума, и Герберт ощутил всю ее тяжесть и убедительность. – Нет ли здесь более спокойного места для конфиденциальных бесед? Вопросы, которые я намерен обсудить со своей женой, являются на данном этапе секретом Корпорации Ранситера!

Неожиданное возвращение и напористый тон клиента заставили Герберта с готовностью произнести:

– Конечно, сэр, я позабочусь, чтобы вы смогли пообщаться с женой в одном из кабинетов.

«Интересно, – подумал он, – какая напасть заставила Ранситера покинуть свои владения и ни свет ни заря примчаться в Мораториум Возлюбленных Собратьев, чтобы «расшевелить», как он сам выразился, свою супругу? Не иначе дела пошли наперекосяк. Анти-пси-организации буквально вопили с экранов телевизоров и видеогазет о необходимости защитных мер».

«Оберегайте свою недоступность! – звучало со всех сторон. – Не подключился ли к вашим мыслям посторонний? Вы действительно один?» Это о телепатах. Кроме того, нагнетался невнятный страх перед прогностами. «Вам не приходило в голову, что все ваши действия предсказаны человеком, которого вы никогда не встречали? Причем таким, кого бы вы ни за что не пригласили к себе домой и вообще предпочли бы не знать? Беспокойству можно положить конец. Обратитесь в ближайшую защитную организацию, и вам тут же скажут, стали ли вы жертвой бесцеремонного вторжения; если да, то за вполне умеренную плату это вторжение будет нейтрализовано».

«Защитные организации». Герберту нравилось это название.

Очень точно, и звучит с достоинством. Он убедился в этом на собственном опыте. Два года назад один телепат начал прощупывать сотрудников мораториума. С какой целью, никто так и не выяснил. Скорее всего, его интересовали секреты, которыми обмениваются полуживые со своими посетителями.

Как бы то ни было, агент защитной организации уловил телепатическое поле, о чем Герберта тут же известили. Сразу же после заключения контракта в мораториум прибыл антителепат. Самого телепата обнаружить не удалось, но, как и было обещано в телевизионной рекламе, его нейтрализовали.

Побежденному щупачу ничего не оставалось, как удалиться.

Мораториум был очищен от пси-воздействия, а для полного спокойствия защитная организация теперь ежемесячно проводила замеры.

– Благодарю вас, мистер Фогельзанг, – сказал Ранситер, входя вслед за Гербертом в пропахший старыми и ненужными микродокументами служебный кабинет.

«Конечно, – размышлял про себя Герберт, – в отношении телепата я им поверил на слово, хотя они и показывали мне какой-то график. Откуда я знаю, где они его снимали? Может, в своей лаборатории. И в отношении ухода щупача я им поверил на слово. Пришел – ушел, а я выложил две тысячи кредиток.

Может, эти защитные организации занимаются вымогательством? Заявляют, что их услуги необходимы, когда никакой необходимости нет?»

Погруженный в мысли, Герберт вновь направился в архив. На этот раз никто его не остановил.

Ранситер с шумом втиснул свою тушу в хрупкое кресло и заворочался, принимая удобную позу. Владельцу мораториума вдруг показалось, что этот крепкий и энергичный на вид старик на самом деле бесконечно устал.

«Наверное, дойдя до таких высот, – думал Герберт, – нужно и вести себя по-другому. Казаться чем-то большим, чем обычный человек с обычными слабостями. У Ранситера, надо полагать, добрый десяток искусственных органов, заменивших вышедшие из строя естественные. Медицина обеспечивает основу его жизнедеятельности, остального он добивается сам. Интересно все же, сколько ему лет? Сейчас по виду не определишь, особенно после девяноста».

– Мисс Бисон, – обратился Герберт к секретарше, – найдите миссис Эллу Ранситер и принесите мне ее таблицу. А тело доставьте в кабинет два-А.

Расположившись за столом, он с удовольствием запустил пальцы в табакерку с табаком «Фрайбург и Рейер», в то время как мисс Бисон приступила к сравнительно несложной задаче по розыску жены Глена Ранситера.

Глава 2

В прозрачном саркофаге, за налетом ледяной изморози лежала, закрыв глаза, Элла Ранситер. Руки навсегда застыли на полпути к бесстрастному лицу. За три года после их последней встречи Элла, конечно, нисколько не изменилась. И никогда не изменится, во всяком случае внешне. Хотя с каждым пробуждением к активной полужизни, с каждым, каким бы оно ни было коротким, возвращением церебральной активности Элла понемногу приближалась к окончательной смерти. Оставшееся ей время истекало неумолимо.

Зная об этом, Ранситер не оживлял жену слишком часто. Что же касается ее собственных пожеланий, высказанных еще до смерти и при первых встречах в полужизни, – их окутала удобная для Ранситера дымка забвения. В конце концов, ему лучше знать, он в четыре раза ее старше. Чего она хотела? Продолжать действовать с ним бок о бок как совладелец Корпорации. Что ж, это пожелание он исполнял. Сейчас, например. И раз шесть или семь в прошлом. Каждый раз, когда Корпорация оказывалась на грани кризиса, Ранситер приезжал советоваться с женой.

– Черт бы побрал эти приспособления, – ворчал Глен, пристраивая к уху пластиковый диск наушника.

Он нетерпеливо ворочался в подсунутом Фогельзангом, или как там его звали, крошечном кресле, следя за постепенным возвращением жены в сознание и всеми силами стараясь поторопить ее. Неожиданно его кольнула страшная мысль: а что, если у них ничего не выйдет; что, если она давно погасла, а они ему не сказали, может, и сами пока не знают? Надо было притащить сюда этого Фогельзанга, чтобы он все контролировал. Неужели случилось непоправимое?

Его Элла, красивая, белокожая, с глазами когда-то яркими и светло-голубыми… Увы. С ней можно общаться, но глаз ее он не увидит никогда и с губ ее не сорвется ни звука. Она не улыбнется его приходу и не заплачет, когда он уйдет. «Стоит ли оно всего? – подумал вдруг Ранситер. – Не лучше ли было в старину, когда из настоящей жизни человек отправлялся прямиком в могилу? Нет, все-таки в некотором смысле она со мной, – решил он наконец. – Другой вариант – это ничто».

В наушниках зазвучали медленные и неразборчивые слова, поплыли бессвязные мысли, обрывки загадочного сна, в котором она теперь пребывала. «Интересно, что чувствуешь в полужизни?» – подумал Ранситер. Из того, что рассказывала Элла, он так и не мог представить всей глубины этого состояния, не мог постичь его сути. «Притяжение, – сказала как-то она, – перестает на тебя действовать, ты плывешь, становишься все легче и легче, а когда кончается полужизнь, наверное, просто выходишь из Солнечной системы и улетаешь к звездам». Но и она не знала наверняка, только догадывалась и строила предположения.

– Привет, Элла! – неуклюже проговорил он в микрофон.

– О! – немедленно прозвучало в наушниках. Похоже, она испугалась. Лицо, конечно, не дрогнуло. Вообще ничего не изменилось, и он отвернулся.

– Здравствуй, Глен, – сказала Элла, по-детски растерявшись от его присутствия. – Что… – Она запнулась. – Сколько прошло времени?

– Около двух лет.

– Расскажи, что происходит.

– Господи, – вздохнул Ранситер. – Организация разваливается, все идет прахом. Поэтому я и приехал, ты же хотела принимать участие в решении основных вопросов. Видит бог, сейчас нам необходимо выработать новую стратегию и заодно в корне пересмотреть структуру слежения.

– Мне снился сон, – сказала Элла. – Все заливал дымный красный свет, страшный свет. А я все равно шла ему навстречу. И не могла остановиться.

– Ну да. – Ранситер кивнул. – Бардо Тедол, «Тибетская Книга Мертвых», там есть про это. Ты вспоминаешь то, что читала, доктора давали тебе эту книгу, когда… – он запнулся, – когда ты умирала.

– Красный свет в дыму – это плохо?

– Да, тебе хочется его избежать. – Ранситер кашлянул. – Слушай, Элла, у нас неприятности. Ты хочешь про них говорить? Я не стану настаивать, если ты предпочитаешь поболтать о чем-нибудь другом, только…

– Все так странно. Я как будто спала с момента нашей последней встречи. Неужели правда два года? Знаешь, Глен, о чем я думаю? Мне кажется, что я и те, кто меня сейчас окружает… мы постепенно сближаемся. Очень многие мои сны вовсе и не обо мне. Иногда я – мужчина, иногда – маленький мальчик или толстая старуха с распухшими веками… Я вижу себя в местах, где никогда не была, я делаю бессмысленные вещи.

– Значит, ты движешься к новому рождению. А красный свет в дыму – это дурное чрево, и ты не хочешь выходить из него. Оно для тебя унизительно.

Предвосхищение новой жизни, или как оно там называется.

Глен чувствовал себя по-дурацки. Обычно он не проявлял интереса к теологическим изыскам. Полужизнь, однако, оказалась реальностью, и в той или иной степени они все стали теологами.

– Ладно, – сказал он, меняя тему. – Хочешь, я расскажу тебе, что случилось? Пропал С. Доул Мелипон.

Спустя мгновение Элла рассмеялась:

– С. Доул Мелипон? Такого вообще не бывает. Это кто или что?

Ранситер уже лет десять не слышал, как она смеется, и сейчас неповторимая теплота ее интонаций вдруг напомнила ее всю. По спине прошла нервная дрожь, и он пробормотал:

– Ты, наверное, забыла…

– Нет, то, что называется С. Доул Мелипон, я бы никогда не забыла. Это что, гномик?

– Это лучший телепат Раймонда Холлиса. С тех пор как полтора года назад его засек Дж. Дж. Эшвуд, мы постоянно держим рядом с ним одного из наших инерциалов. Мелипон способен выдать пси-энергии вдвое больше, чем любой из сотрудников Холлиса. Как назло, из всей их команды пропал именно он. Вот я и решил: а не съездить ли, черт побери, к Элле и не посоветоваться ли с ней? Ты ведь просила об этом в завещании, помнишь?

– Помню, – механически откликнулась Элла. – Дайте объявление по ТВ. Предупредите людей. Скажите… – Голос ее угас.

– Ты устала, – мрачно сказал Ранситер.

– Нет, я… – Элла замолчала, и он почувствовал, как она удаляется.

– Все пропавшие – телепаты? – спросила она наконец.

– В основном телепаты и прогносты. На Земле их нет, это я знаю точно. Сейчас у нас оказались не у дел с добрый десяток инерциалов, им просто некого нейтрализовывать. Меня, однако, куда больше тревожит падение спроса на антипси-энергетиков, что, впрочем, неудивительно, учитывая пропажу стольких пси. Причем мне сдается, что все они задействованы в какой-то крупной операции, и только Холлис знает, кто нанял всю его шайку, где это происходит и что поставлено на карту.

После этих слов Ранситер погрузился в мрачное молчание. Как сможет Элла помочь ему? Изолированная от мира, замороженная в своем саркофаге, знающая о происходящем только с его слов… И все же он всегда полагался на ее мудрость, ту особую женскую мудрость, которая не имеет отношения ни к знаниям, ни к опыту, а основана на чем-то глубоко внутреннем. При жизни Эллы он не сумел разгадать ее тайну; сейчас, когда она навеки застыла в неподвижности, это стало окончательно невозможно. Другие женщины – после смерти Эллы он был близок с несколькими – практически не обладали этим качеством. В лучшем случае – лишь намеком на него.

Призрачным намеком, так и не развившимся ни во что большее.

– Расскажи, – попросила Элла, – что из себя представляет этот Мелипон?

– Чудак.

– Он работает за деньги? Или по убеждению? Меня всегда тревожит, когда начинается пси-мистика, разговоры о высшей цели и космическом единстве. Как у этого ужасного Сараписа, ты его помнишь?

– Сараписа больше нет. Холлис разделался с ним, когда узнал, что тот замышляет собственное дело. На Сараписа настучал кто-то из его же прогностов. Мелипон, кстати, куда круче этого Сараписа. Когда он разогреется, уравновесить его поле могут только три инерциала, что нам совершенно невыгодно, потому что плату мы получаем, вернее получали, как за одного. Общество установило свои расценки, и мы обязаны подчиняться.

С каждым годом членство в Обществе приносило Ранситеру все больше и больше хлопот. Бессмысленные и разорительные решения стали для него

хроническими раздражителями. Кроме того, бесила напыщенность членов правления.

– Насколько мы можем судить, Мелипон работает за деньги. По-твоему, это лучше? Ты так думаешь? – Он подождал, но Элла не отвечала. – Элла!

Молчание. Ранситер нервно сглотнул.

– Эй, Элла! Ты слышишь? У тебя все в порядке?

«Господи! – промелькнула страшная мысль. – Она кончилась».

Навсегда!

Спустя несколько мгновений в правом наушнике прозвучало:

– Меня зовут Джори.

Это была чужая мысль, не Эллы, совсем другой рисунок, более живой и грубый, без ее приглушенной утонченности.

– Освободите линию! – в панике крикнул Ранситер. – Я говорю со своей женой Эллой, откуда вы взялись?

– Меня зовут Джори, – повторил неизвестный. – Со мной никто не разговаривает. Я решил немного пообщаться с вами, мистер, если вы не возражаете. Как вас зовут?

Сдавленным голосом Ранситер произнес:

– Я хочу говорить со своей женой, миссис Эллой Ранситер. Я заплатил за то, чтобы говорить с ней, и с вами я беседовать не собираюсь.

– Я знаю миссис Ранситер! – Теперь мысли просто звенели в наушниках. – Мы часто болтаем, но это совсем не то, как если со мной говорит кто-нибудь вроде вас, из мира живых.

Миссис Ранситер здесь, с нами, так что она – не в счет, ей известно не больше, чем остальным. Какой сейчас год, мистер? Уже отправили корабль на Проксиму? Мне это очень интересно! Может быть, вы расскажете? А потом, если хотите, я передам все миссис Ранситер. Хотите?

Ранситер выдернул из уха микродинамик, потом сорвал и швырнул на стол прочие приспособления. Выскочив из затхлого, пыльного кабинета, он кинулся на поиски владельца мораториума. Ранситер метался среди рядов аккуратно пронумерованных саркофагов, сотрудники испуганно шарахались в стороны, пока не раздался голос фон Фогельзанга:

– Что-то случилось, мистер Ранситер? Вам нужна моя помощь?

– Там на линию влезло какое-то существо, – задыхаясь, проговорил Ранситер. – Вместо Эллы! Черт бы вас всех тут побрал вместе с вашими махинациями, такого не должно быть, слышите?

Директор мораториума уже несся по направлению к кабинету 2-А.

– А если бы я так относился к своим обязанностям? – не унимался Ранситер, следуя за ним.

– Он назвал свое имя?

– Да, Джори.

Фогельзанг озабоченно нахмурился:

– Это Джори Миллер. Их саркофаги стоят рядом…

– Но я же вижу, что это Элла!

– После продолжительного соседства, – пустился в объяснения Фогельзанг, – иногда происходит двусторонняя диффузия, слияние ментальных полей полуживых. У Джори Миллера очень высокая цефальная активность, чего, к сожалению, нельзя сказать о вашей жене. Вот и получается, что протофазоны проходят только в одном направлении…

– Вы можете это исправить? – грубо перебил его Ранситер. Он по-прежнему задыхался, дрожал и вообще чувствовал себя окончательно измотанным. – Немедленно очистите ее сознание! Верните мою жену, слышите! Это ваша обязанность!

– Если мы не сумеем изменить сложившуюся ситуацию, – напыщенно произнес Фогельзанг, – ваши деньги будут возвращены.

– Плевать я хотел на деньги!

Они уже дошли до кабинета 2-А. Ранситер неловко уселся в кресло, сердце его колотилось так сильно, что он с трудом мог говорить.

– Если вы не уберете с линии этого Джори, – полувыдохнул, полупрорычал он наконец, – я подам в суд и прикрою вашу богадельню!

Устроившись перед саркофагом, Фогельзанг надел наушники и бодро сказал в микрофон:

– А ну-ка, Джори, освободи нам линию. Вот так, отлично. – Повернувшись к Ранситеру, он пояснил: – Джори умер в пятнадцать лет, поэтому у него так много энергии. Он уже несколько раз появлялся там, где не следует. – В микрофон Герберт сказал: – Джори, это некрасиво с твоей стороны, мистер Ранситер приехал очень издалека, ему надо поговорить со своей женой, не заглушай ее. – И добавил после паузы раздраженно: – Я знаю, что у нее очень слабый сигнал…

Фогельзанг сосредоточенно выслушал ответ и поднялся.

– Что он сказал? – не выдержал Ранситер. – Он даст мне поговорить с Эллой?

– От него ничего не зависит, – пробормотал фон Фогельзанг. – Представьте себе два радиопередатчика, работающие на одном усилителе. Один рядом, но мощность у него всего пятьсот ватт. Другой далеко, но мощностью пять тысяч ватт. А передают они на одной или почти одной частоте. Когда наступает ночь…

– Ночь, – перебил его Ранситер, – кажется, уже наступила.

Во всяком случае, для Эллы, а может, и для него тоже, если не удастся разыскать пропавших щупачей, паракинетиков, прогностов и аниматоров Холлиса. С этим Джори он потерял не только Эллу, он лишился ее поддержки и советов.

– В морозильнике, – затарахтел Фогельзанг, – мы поместим их подальше друг от друга. Собственно говоря, если вы согласны несколько увеличить месячную плату, мы можем устроить ее по высшему классу – в изолированной кабине с дополнительным изоляционным покрытием, например из тефлона двадцать шесть, чтобы не допустить гетеропсихического воздействия со стороны Джори или кого бы то ни было.

– Разве еще не поздно? – Ранситер быстро вышел из состояния депрессии, в которое его повергло случившееся.

– Ваша супруга может вернуться. Как только мы вытесним Джори. Или еще кого-нибудь. В таком ослабленном состоянии она очень подвержена воздействию. Правда… – фон Фогельзанг задумчиво пожевал губу и забарабанил пальцами по столу, – ей может не понравиться изоляция, мистер Ранситер. Мы ведь специально храним все саркофаги в одном месте. Погружение в сознание друг друга – единственное доступное полуживым…

– Изолируйте ее немедленно! – рявкнул Ранситер. – Пусть лучше поскучает, чем вообще угаснет.

– Она не угасла, – поправил его Фогельзанг. – Просто не может с вами контактировать. В этом все отличие.

– Метафизические тонкости не означают для меня ровным счетом ничего! – отрезал Ранситер.

– Я обеспечу ей полную изоляцию, – сказал Фогельзанг, – но боюсь, что вы правы, может быть слишком поздно, Джори проник в нее необратимо, во всяком случае надолго. Мне очень жаль.

– Мне тоже, – хрипло произнес Ранситер.

Глава 3

Джо Чип, все еще в дурацкой клоунского покроя пижаме, неуверенно присел на краешек кухонного стола и закурил. Бросив десять центов в прорезь недавно взятой напрокат журнальной машины, он несколько раз крутанул наборный диск.

Похмелье не отпускало, и Джо пропустил «межпланетные новости», на мгновение задержался на «новостях страны» и остановился на «сплетнях».

– Да, сэр, – с готовностью откликнулась машина. – Сплетни. Угадайте, с чем пришлось столкнуться известному далеко за пределами Земли отшельнику-финансисту Стентону Мику?

Аппарат заурчал, из прорези полезла лента с распечаткой в четыре цвета, с остроумно набранным заголовком. Через мгновение рулончик с новостями покатился по столу из тикового дерева и шлепнулся на пол. Превозмогая головную боль, Джо Чип нагнулся и развернул сообщение.

Мик снимает два триллиона со счетов в Уорлд-банке

«Ассошиэйтед Пресс» из Лондона. Что замышляет известный во всей Солнечной системе финансист Стентон Мик? Внимание деловых кругов приковано к этому решительному, хотя и чудаковатому промышленному магнату, предлагавшему в свое время бесплатно построить флот, с помощью которого Израиль сумел бы колонизировать и превратить в цветущие сады марсианские пустыни. Согласно просочившейся из Уайтхолла информации, Мик запросил и, вероятно, получит беспрецедентный кредит в размере…

– Это не сплетни, – проворчал Джо. – Это обсуждение финансовых операций. Сегодня я хочу почитать, чья жена-наркоманка забралась в постель к очередной телезнаменитости.

Он, как всегда, не выспался; во всяком случае, с медицинской точки зрения это был не сон. От снотворного пришлось воздержаться, недельный запас транквилизаторов в автономной квартирной аптечке иссяк, а до следующего вторника он не имел права обращаться в аптеку. Два дня, еще два долгих дня.

– Тогда наберите «дешевые сплетни», – проурчала журнальная машина.

Из щели тут же полез следующий ролик. Джо полюбовался великолепной карикатурой на Лолу Херцбург-Райт и, предвкушая текст, плотоядно улыбнулся неприличному изображению ее правого уха.

Вчера вечером на собравшей весь цвет Нью-Йорка вечеринке какой-то проходимец попытался присесть к Лоле Херцбург-Райт. Получив сокрушительный удар в челюсть, несчастный перевернул столик шведского короля Эгона Грата, который явился в сопровождении некоей мисс с неправдоподобно большим…

В дверь позвонили. Джо Чип вздрогнул, схватил со стола тлеющую сигарету и поплелся к переговорному устройству, удобно расположенному на рычаге замка.

– Кто?

Еще не было восьми. В такое время мог припереться либо робот за квартплатой, либо какой-нибудь кредитор. Энергичный мужской голос произнес из динамика:

– Джо, я знаю, что сейчас рано, но я только что приехал. Это Дж. Дж. Эшвуд. Со мной новый объект, в Топеке нашел. Джо, я чуть не обалдел, хочу, чтобы ты тоже взглянул, прежде чем я выложу находку Ранситеру. Он, кстати, в Швейцарии.

– У меня здесь нет оборудования, – буркнул Чип.

– Я съезжу в лабораторию и привезу все, что нужно.

– Приборы в моей машине, я не успел их вчера выгрузить. – (Истина заключалась в том, что к вечеру Джо уже не держался на ногах и просто не смог открыть багажник своего автомобиля.) – Слушай, а до девяти это не подождет? – От маниакальной энергии Дж. Дж. Эшвуда его тошнило даже в полдень, а в семь сорок утра Эшвуд был просто невыносим.

– Чип, дружище, экземпляр классный, настоящее чудо, у тебя все приборы зашкалит, а представь себе, какой будет толчок для фирмы, ты знаешь, как нам этого сейчас не хватает. Кроме того…

– Это анти – кто? – перебил Джо Чип. – Телепат?

– Слушай, – Дж. Дж. Эшвуд понизил голос, – я и сам толком не знаю. Дело секретное, понимаешь? Я не могу стоять здесь под дверью и орать во все горло. Я и так уже принимаю мысли какого-то типа с первого этажа, он…

– Ну ладно, – вздохнул Джо Чип.

Дж. Дж. Эшвуда, раз уж он завелся, прервать все равно нельзя, быстрее будет выслушать его до конца. – Дай мне пять минут одеться и найти кофе.

Джо смутно припоминал, что накануне вечером он вроде использовал зеленый продуктовый талон, значит, купил чай, кофе, сигареты или какие-либо импортные деликатесы.

– Она тебе понравится. Кроме того, как всегда бывает, оказалось, что это дочь…

– Она? – встревоженно переспросил Джо Чип. – Мне сейчас не до гостей. У меня трудности с деньгами, здесь уже две недели не было роботов-уборщиков.

– Я спрошу, волнует ее это или нет.

– Слушай, это волнует меня, понял? Я проверю ее в лаборатории, в рабочее время.

– Джо, я прочел ее мысли, ей абсолютно все равно.

– Сколько лет твоей находке?

«Может быть, – подумал Джо, – это еще ребенок». Зачастую мощные инерциалы получались из детей, развивших свои способности при защите от психического насилия родителей.

– Сколько тебе лет, дорогая? – Дж. Дж. Эшвуд повернулся к стоявшей рядом девушке. – Девятнадцать, – сообщил он Джо Чипу.

Теперь понятно. Джо даже стало интересно. Настырность и бесцеремонность Дж. Дж. Эшвуда часто приводили к знакомствам с привлекательными женщинами. Не исключено, что это тот самый случай.

– Дайте мне пятнадцать минут. – Если пожертвовать завтраком и кофе, то с уборкой можно, пожалуй, успеть. Во всяком случае, надо попробовать.

Джо отключил переговорное устройство и полез в кухонный шкаф посмотреть, есть ли там ручная или механическая щетка, а может, гелиевый или сетевой пылесос. Ни того ни другого не оказалось. Очевидно, отдел снабжения домового агентства никогда ничего подобного и не присылал. «Теперь уже черта с два разберешься, заказывал я это или нет», – подумал Джо. А ведь прожил он здесь уже четыре года.

Подойдя к видеофону, Джо набрал 214, номер обслуживающего агентства.

– Послушайте, – сказал он, когда устройство откликнулось, – я как раз собираюсь перечислить часть своих сбережений на покрытие задолженностей вашим роботам-уборщикам. И я бы хотел, чтобы они немедленно прибыли и прошлись по квартире. Как только они закончат, я оплачу весь счет.

– Сэр, надо оплатить счет прежде, чем они начнут.

Джо уже разыскал бумажник и вытащил из него весь запас карточек «Волшебного Кредита». Ни одной неаннулированной. Именно так складывались его денежные дела на протяжении всей жизни.

– Я переведу свой просроченный платеж на карту «Треугольного Кредита», – заявил он безликому оппоненту. – Таким образом, по вашим счетам все будет в порядке, дальнейшая уплата долга – уже не ваша забота.

– Вы забыли о штрафе и процентах.

– Я переведу их на счет…

– Мистер Чип, консультационное агентство «Феррис и Брокман» выпустило в отношении вас специальный релиз. Мы получили его только вчера и очень хорошо его помним. С июля степень вашей кредитоспособности упала на целую единицу. Наш отдел, как, впрочем, и все службы дома, предупрежден о прекращении кредитов и услуг таким неслыханным нарушителям, как вы, сэр. Теперь все вопросы будут решаться исключительно на основе предварительной оплаты. По-видимому, таковое условие сохранится до конца вашей жизни. Кроме того…

Джо повесил трубку. Никакой надежды заманить или загнать угрозой в захламленную квартиру роботов-уборщиков не оставалось. Джо побрел в спальню. Переодеться он мог самостоятельно.

Надев спортивный халат, туфли с блестящими, загнутыми вверх носами и фетровую шапочку с помпоном, Джо с надеждой приступил к поискам кофе. На кухне им и не пахло. Он прошел в ванную и возле двери обнаружил вчерашнюю накидку с капюшоном, а рядом с ней пластиковый мешок с полуфунтовой банкой натурального кенийского кофе – настоящее лакомство, купить которое, учитывая его финансовое положение, он мог только в невменяемом состоянии. Обшарив все карманы, Джо нашел десять центов и зарядил кофейник. Вдыхая ставший в последнее время непривычным аромат кофе, Джо взглянул на часы и увидел, что пятнадцать минут уже прошли. Он решительно направился к входной двери, повернул ручку и дернул запор.

Дверь не открылась, а из динамика прозвучало:

– Опустите пять центов, пожалуйста.

Джо в очередной раз вывернул карманы. Монет не осталось.

– Я заплачу завтра, – сказал он двери и снова нажал на ручку. Дверь не поддалась. – Я вообще тебе плачу из вежливости, я вовсе не обязан этого делать.

– Неверно, – отозвалась дверь. – Посмотрите в подписанный вами при покупке квартиры контракт.

Контракт Джо нашел в ящике стола. С момента его подписания ему не раз приходилось обращаться к этому документу. Конечно, за открывание и закрывание двери полагалась обязательная плата.

– Как видите, я права, – сказала дверь. Прозвучало это вызывающе.

Джо вытащил из кухонного ящика нож из нержавейки и принялся откручивать болты запорного механизма.

– Я подам на вас в суд, – заявила дверь, когда вывалился первый шуруп.

– Никогда не судился с дверью, – пробормотал Джо. – Думаю, что сумею это пережить.

С улицы донесся стук.

– Эй, Джо, малыш, это я, Дж. Дж. Эшвуд. Я привел ее, открывай!

– Опусти пять центов, – крикнул Джо, – с моей стороны что-то заклинило!

Звякнула монета, дверь распахнулась. На пороге стоял сияющий Дж. Дж. Эшвуд. Лукаво улыбаясь, он подтолкнул вперед свою спутницу. Некоторое время девушка молча разглядывала Джо. На вид ей было не больше семнадцати: стройная, с медного цвета кожей и огромными темными глазами.

«Боже, – подумал Джо, – она же прекрасна!»

Одежда незнакомки состояла из рабочей блузки, джинсов из эрзац-брезента и тяжелых ботинок, вымазанных, как ему показалось, настоящей грязью. Блестящие волосы были зачесаны назад, собраны в узел и перехвачены красной

лентой. Закатанные рукава оставляли открытыми загорелые сильные руки. На ремне из искусственной кожи висел нож, полевой телефон и походная сумка с запасом еды и питья. На смуглом запястье Джо заметил татуировку: CAVEAT EMPTOR. «Интересно, – подумал он, – что бы это значило?»

– Это Пат! – провозгласил Дж. Дж. Эшвуд, с показной фамильярностью обнимая девушку за талию. – Фамилия роли не играет.

Дж. Дж., как всегда, был в мохеровом пончо, абрикосового цвета фетровой шляпе, лыжных носках и тапочках из коврового материала. Фигурой он больше всего напоминал огромный кирпич.

Радостно улыбаясь, Эшвуд шагнул навстречу Джо Чипу, каждая клеточка его тела излучала самодовольство: как же, он нашел что-то важное и теперь своего не упустит, выжмет из находки все, что можно.

– Пат, перед тобой наш лучший и опытнейший специалист по электро-тестам.

– Это вы электрический или ваши тесты? – равнодушно поинтересовалась девушка.

– Как придется, – пробурчал Джо. Он чувствовал вокруг себя миазмы неприбранной квартиры, ауру хлама и неустроенности. Пат, как ему показалось, уже все заметила. – Присаживайтесь. – Джо сделал неуклюжий жест. – Выпьем по чашечке натурального кофе.

– Какая роскошь! – Пат расположилась за кухонным столиком, непроизвольно уложив скопившиеся за день газеты в аккуратную стопку. – Вы можете себе позволить настоящий кофе?

– Джо заколачивает бешеные бабки, – откликнулся Дж. Дж. Эшвуд, вытаскивая сигарету из лежащей на столе пачки. – Фирма без него как без рук.

– Положи на место! – не выдержал Джо Чип. – Курить больше нечего, а последний зеленый талон я истратил вчера на кофе.

– Я заплатил за дверь, – напомнил Дж. Дж. и пододвинул пачку девушке. – Джо любит порисоваться, не обращай внимания. Возьми, к примеру, его квартиру. Он ведь специально ее не убирает, хочет подчеркнуть, что он – творческая личность, все гении, мол, живут в бардаке. Где твои приборы, Джо? Не будем терять время.

– Вы несколько странно оделись, – сказал Джо, глядя на Пат.

– Я ремонтирую подземные видеофонные коммуникации кибуца Топеки, – пояснила девушка. – В нашем кибуце только женщинам разрешено заниматься физическим трудом. – Темные глаза Пат гордо сверкнули.

– Надпись на вашей руке, – спросил Джо, – это на иврите?

– На латинском. – Пат, не скрывая удивления, огляделась. – Никогда не видела такой запущенной квартиры. У вас что, нет любовницы?

– У специалистов по электротестам нет времени на подобную чушь, – нетерпеливо сказал Дж. Дж. Эшвуд. – Послушай, Чип, родители этой девочки работают на Рэя Холлиса. Если они узнают, что она побывала у нас, ее подвергнут фронтальной лоботомии.

– Родители знают, что у вас антиталант?

– Нет. – Пат покачала головой. – Я и сама не знала, пока ваш сотрудник не подсел ко мне в кафетерии кибуца. Он говорит, вы можете это объективно доказать при помощи приборов.

– Какова будет ваша реакция, – спросил Джо, – если тесты покажут, что так оно и есть?

Подумав, Пат сказала:

– Видите ли, мне это вообще кажется… негативным, что ли… Я ведь ничего не умею: не двигаю предметы, не превращаю камни в хлеб, не беременею без оплодотворения и не исцеляю болящих. Я не читаю мысли и не могу заглянуть в будущее. То есть не обладаю даже самыми распространенными способностями.

Я просто свожу на нет дарования других людей. Ущербность какая-то! – Пат развела руками.

– Для сохранения человеческой расы, – сказал Джо, – это необходимо в не меньшей степени, чем пси-таланты. Особенно для нас, нормалов. Антипси-талант – не что иное, как естественное восстановление экологического равновесия. Когда одно насекомое научилось летать, другое, чтобы не летать самому, научилось плести паутину. Моллюски обзавелись твердым панцирем, а птицы наловчились поднимать их высоко над землей и бросать на камни. В некотором смысле вы живете за счет пси-одаренных, так же как они живут за счет нормалов. Это автоматически делает вас союзником нормалов. Хищник и добыча, круг замкнулся, полное равновесие.

– Меня могут посчитать предателем, – сказала Пат.

– Вас это тревожит?

– Меня тревожит то, что люди начнут испытывать ко мне враждебность. Я понимаю, что рано или поздно она все равно возникнет, нельзя нравиться сразу всем. Сделай хорошо одному – и ты тут же наживаешь врага в лице другого.

– В чем заключается ваш антиталант?

– Это трудно объяснить.

– Я уже говорил, – вмешался Дж. Дж. Эшвуд. – Она уникальна. Я о подобном даже не подозревал.

– Какую пси-способность вы можете нейтрализовать? – спросил Джо.

– Как мне объяснил ваш поисковик, – Пат посмотрела на сияющего улыбкой Дж. Дж. Эшвуда, – я нейтрализую прогностов. Я с шести лет почувствовала, что делаю что-то странное. Родителям я никогда не говорила, боялась.

– Они прогносты?

– Да.

– В таком случае им бы действительно это не понравилось. Но как могло получиться, что они ничего не заметили? Или вы ни разу не повлияли на их способность?

– Я… – Пат растерянно пожала плечами. – Я думаю, что я влияла на их способность, но они этого не замечали.

– Позвольте мне объяснить, – сказал Джо, – как действует антипрогност. По крайней мере в известных нам случаях. Прогност видит несколько вариантов будущего. Они разложены перед ним, как соты в улье. При этом один из вариантов имеет более яркую окраску. Его-то прогност и выбирает. Антипрогност делает все варианты одинаковыми, лишая прогноста способности выбирать. Тот, кстати, всегда чувствует присутствие своего врага, ибо немедленно рвутся его связи с будущим. В случае с телепатом подобное вмешательство…

– Она изменяет прошлое, – сказал Дж. Дж. Эшвуд.

Джо изумленно замолчал.

– Прошлое, – повторил Дж. Дж., наслаждаясь произведенным эффектом. Он многозначительно оглядел все углы в кухне Джо Чипа. – Оказавшийся под ее воздействием прогност по-прежнему видит будущее: один, как ты сказал, ярче других окрашенный вариант. Он его выбирает и оказывается прав. Но почему он его выбирает? А потому, что эта девочка, – Дж. Дж. кивнул в сторону Пат, – держит будущее под контролем, и этот ярче других окрашенный вариант окрашен ярче других потому, что она заглянула в прошлое и изменила его. Изменив прошлое, она изменила и настоящее, которое включает в себя и прогноста. Он попадает под ее влияние, не сознавая того; ему кажется, что его талант работает, в то время как от него уже ничего не зависит. Это одно из ее преимуществ перед другими антипрогностами. Второе, и гораздо более важное, заключается в том, что она может изменить ход событий после того, как прогност сделал выбор. Ты знаешь, нам всегда не давала покоя эта проблема; если не удается вмешаться с самого начала, мы бессильны. По сути дела, мы и не пытаемся сорвать работу прогноста в том смысле, как мы поступаем с другими пси, так? Разве не это самое слабое звено в нашей службе? – Дж. Дж. выжидающе уставился на Джо Чипа.

– Любопытно, – произнес наконец Джо.

– Черт побери, ты сказал «любопытно»? – Дж. Дж. Эшвуд чуть не подпрыгнул. – Да это уникальнейший антипси-талант из всех доселе известных!

Очень тихо Пат проговорила:

– Я не совершаю путешествий в прошлое. – Она подняла глаза и посмотрела на Джо Чипа извиняющимся и одновременно вызывающим взглядом. – Мне удается кое-что сделать, но мистер Эшвуд все невероятно преувеличил.

– Я читаю твои мысли, – с оттенком раздражения проговорил Дж. Дж. Эшвуд, – и знаю, что ты умеешь изменять прошлое, ты уже проделывала это.

– Да, я могу его изменить, однако не совершаю путешествий во времени, как вы пытаетесь представить.

– Как вы изменяете прошлое? – спросил Джо Чип.

– Я о нем думаю. Об одном конкретном моменте, каком-нибудь случае например, когда кто-то что-то сказал или сделал. Или о происшествии, которого мне очень хотелось бы избежать. Впервые я сделала это еще ребенком…

– Ей было тогда семь лет, – вмешался Дж. Дж. Эшвуд. – Она жила с родителями в Детройте и разбила античную статую из керамики, зеницу ока ее отца.

– Разве отец этого не предвидел? – поинтересовался Джо Чип. – Он же прогност.

– Предвидел, – сказала Пат, – и наказал меня за неделю до того, как я ее разбила. При этом он объяснил мне, что это все равно неизбежно. Вы знаете талант прогностов: предсказать они могут, а изменить – нет. Потом, когда статуя разбилась, то есть я ее разбила, я очень горевала и все время вспоминала ту неделю до события, когда меня оставили без сладкого и укладывали спать в пять вечера, а я все повторяла: «Христос (или как там обращаются к Богу маленькие дети), Христос! Неужели нет способа избежать всех этих ужасных событий?» Провидческие способности отца не произвели на меня особого впечатления, поскольку повлиять на ситуацию он не мог; я до сих пор не в силах

избавиться от какого-то презрения к нему. Я целый месяц промучилась, пытаясь представить проклятую статую снова целой, мысленно все время возвращалась к тому периоду, когда она еще не разбилась, представляла, как она выглядит… Это было ужасно. И вдруг однажды утром (а ночью я опять видела ее во сне) статуя оказалась на месте. Как раньше. – Пат говорила резким, взволнованным голосом, напряженно наклонившись к Джо Чипу. – Родители ничего не заметили. Им показалось совершенно нормальным, что статуя стоит на месте, цела-целехонька, словно никогда и не разбивалась. Единственным человеком, кто помнил, как все обстояло на самом деле, была я.

Пат улыбнулась, вздохнула и взяла из пачки еще одну сигарету.

– Сейчас я принесу из машины оборудование для теста, – сказал Джо, направляясь к двери.

– Пять центов, пожалуйста, – произнес динамик, едва он взялся за ручку.

– Заплати за дверь! – крикнул Джо Эшвуду.

Притащив из машины оборудование, Джо предложил поисковику фирмы очистить помещение.

– Что? – опешил Дж. Дж. Эшвуд. – Ты, видно, забыл, кто ее нашел? Я десять дней потратил на вычисление ее поля, я…

– Ты прекрасно знаешь, что твое поле исказит все результаты. Способности и антиспособности воздействуют друг на друга. Если бы этого не происходило, мы бы занимались совсем другим делом… И не забудь оставить пару монет. А то ни она, ни я отсюда не выберемся.

– У меня есть мелочь, – сказала Пат. – В кошельке.

– Ты, кстати, можешь измерить ее мощность по потерям внутри моего поля. Я сотни раз наблюдал, как ты так делал.

– Здесь другое, – сухо заметил Джо.

– У меня кончились все монеты, – заявил Дж. Дж. – Я не могу выйти.

Пат посмотрела на Джо, затем на Дж. Дж. и сказала:

– Возьмите мою.

Она швырнула Дж. Дж. монету, он поймал ее с явным недоумением. Мало-помалу недоумение сменилось на его лице угрюмостью.

– Круто вы меня кидаете, – проговорил он, опуская монету в монетоприемник. – Вы оба, – донеслось уже снаружи. – Это, между прочим, лихое дело, когда…

Дверь захлопнулась, и окончания фразы никто не услышал.

Наступила тишина. Наконец Пат сказала:

– Кроме энтузиазма, ему нечем похвастаться.

– Да нет, он нормальный парень…

Джо испытывал привычное чувство – вину. Впрочем, не очень сильную. Во всяком случае, Дж. Дж. сделал свое дело. Теперь…

– Теперь ваша очередь, – сказала Пат. – Могу я снять ботинки?

– Конечно, – ответил Джо, подходя к своим приборам. Он проверил кассеты, источники питания, ход стрелок.

– Душ у вас есть, работает? – спросила Пат, аккуратно убрав с дороги свои ботинки.

– Двадцать пять центов, – пробурчал Джо. – Это стоит двадцать пять центов. – Взглянув на Пат, он увидел, что девушка начала расстегивать блузку. – А у меня их нет.

– В кибуце все бесплатно, – сказала Пат.

– Бесплатно! – фыркнул Джо. – Это экономически неосуществимо. На такой основе все развалится через месяц.

Пат невозмутимо продолжала расстегивать блузку.

– Нам платят зарплату, кроме того, мы берем кредиты под будущие заказы. Эти деньги и идут на содержание кибуца. На практике вот уже несколько лет как кибуц Топеки является прибыльным предприятием, то есть мы все вместе отдаем больше, чем получаем.

Сняв блузку, она бросила ее на спинку стула. Под блузкой ничего не было. Джо уставился на высокие, твердые и круглые груди.

– Вы уверены, что правильно все делаете? – спросил Джо. – Я имею в виду раздевание.

– Вы просто не помните, – ответила Пат.

– Чего не помню?

– Как я не разделась. В другом варианте. Вам тогда не понравилось, и я все изменила. Так что вот…

Она грациозно вытянулась.

– А что я сделал, – осторожно поинтересовался Джо, – когда вы не разделись? Отказался вас тестировать?

– Вы что-то проворчали насчет того, что мистер Эшвуд сильно преувеличил мой антиталант.

– Я так не работаю, – покачал головой Джо.

– Взгляните. – Наклонившись, Пат пошарила в карманах своей рубашки, при этом груди ее заколыхались.

Выпрямившись, она протянула Джо сложенный пополам лист бумаги.

– Это из другого варианта, который я ликвидировала.

Джо прочел собственный уместившийся в одну строку вывод: «Продуцируемое анти-пси-поле незначительно и по всем параметрам не соответствует предъявляемым требованиям. Для работы с ныне действующими прогностами непригодна». Рядом стоял перечеркнутый кружок – символ, значение которого знали только он и Глен Ранситер. Поисковики условных значков не знали, так что Эшвуд ничего ей рассказать не мог. Джо молча вернул листок, и Пат положила его в карман блузки.

– Вы по-прежнему собираетесь меня тестировать? – спросила она. – После того, что видели?

– Существуют установленные процедуры, – пробормотал Джо, отвернувшись, – шесть позиций, по которым…

– Вы мелкий, погрязший в долгах никчемный бюрократ, неспособный самостоятельно выпустить человека из своей квартиры.

Пат говорила спокойно, но ее слова громом звучали в ушах Джо. Он вздрогнул, напрягся и густо покраснел:

– Да, сейчас мне приходится туго. Однако мое финансовое положение поправится со дня на день. Я всегда могу получить ссуду. В том числе и от фирмы.

Он неловко поднялся, взял чашки, блюдца, налил кофе.

– Сахар? Сливки?

– Сливки. – Пат стояла посреди кухни, босая и без блузки.

Джо взялся за ручку холодильника, и тот объявил:

– Десять центов, пожалуйста. Пять за открывание дверцы, пять за сливки.

– Там же не сливки! – не выдержал Джо. – Там обыкновенное молоко. – Он несколько раз отчаянно дернул за ручку. – Последний раз прошу, открывайся, я вечером рассчитаюсь!

– Держите. – Пат пустила по столу монетку. – На месте вашей любовницы я бы не приходила сюда без денег, – заметила она, наблюдая, как Джо возится с холодильником. – Вы в самом деле на мели, да? Я это поняла, когда мистер Эшвуд…

– У меня далеко не всегда так, – хрипло перебил ее Джо.

– Хотите, я вам помогу? – Сунув руки в карманы джинсов, девушка равнодушно смотрела на Джо. – Вы уже поняли, это в моих силах. Садитесь и пишите. О тестах забудьте. Вы все равно не можете измерить мое поле, оно действует в прошлом, а вы проводите измерения в настоящем. Согласны?

– Покажите мне оценочный лист, тот, в кармане вашей рубашки. Я хочу еще раз взглянуть на него, прежде чем решу что-либо.

Пат снова вытащила сложенный пополам желтый лист и положила его на стол. Джо перечитал справку. «Мой почерк, – подумал он, – да, все правда». Он вернул лист Пат, вытащил из рабочей папки точно такой же желтый бланк. Написал ее имя, затем фантастически невероятные цифровые результаты проверки и наконец свои выводы. Новые выводы.

«Обладает исключительными способностями. Антипси-поле уникально по своим проявлениям. Способна нейтрализовать сколь угодно большую группу прогностов».

После точки он поставил условный знак, на этот раз два подчеркнутых крестика. Пат замерла за его спиной. Джо чувствовал на шее ее дыхание.

– Что означают подчеркнутые крестики?

– Принять на любых условиях.

– Благодарю вас. – Девушка вытащила из кошелька пачку кредиток и протянула одну Джо. Сумма была приличной. – Это на текущие расходы. Я не могла дать ее вам раньше, чем вы сделали официальное заключение. Иначе бы вы до конца жизни пытались что-нибудь исправить и сошли бы в могилу с сознанием того, что вас подкупили. В конце концов вы бы даже решили, что у меня вообще нет антиталанта.

Пат расстегнула молнию и принялась стаскивать джинсы. Джо Чип разглядывал написанное, не замечая девушки. Подчеркнутые кресты означали отнюдь не то, что он сказал. Символ читался: «Осторожно! Представляет угрозу для фирмы. Чрезвычайно опасна!»

Джо подписал бумагу и сложил ее вдвое. Пат тут же убрала ее в кошелек.

– Когда я смогу завезти вещи? – спросила она, направляясь в ванную. – Полагаю, я имею на это право, считайте, я им заплатила за месяц вперед.

– В любое время.

– Пожалуйста, пятьдесят центов, – донеслось из ванной. – Оплата за воду.

Пат прошлепала на кухню за кошельком.

Глава 4

Из Мораториума Возлюбленных Собратьев Глен Ранситер возвратился в Нью-Йорк. Огромное электротакси бесшумно опустилось на крышу центрального здания Корпорации Ранситера. Оттуда скоростной лифт мгновенно доставил его на пятый этаж. В девять тридцать утра по местному времени Ранситер уже восседал в массивном старомодном кресле из натуральной кожи и разговаривал по видеофону с отделом рекламы.

– Тэмиш, я только что из Цюриха. Пообщался с Эллой. – Ранситер замолчал и вопросительно уставился на бесшумно вошедшую в огромный кабинет секретаршу. – В чем дело, миссис Фрик?

Высохшая испуганная миссис Фрик с пятнами румян на лице, должных, по ее мнению, скрасить общий безрадостный вид, беспомощно развела руками. Это означало, что Ранситера никак нельзя было не побеспокоить.

– Ну хорошо, миссис Фрик, – терпеливо сказал он, – что случилось?

– Новый клиент, мистер Ранситер. Думаю, вам следует принять ее. – Секретарша сделала шаг навстречу и одновременно отошла – этот сложный маневр, на овладение которым ушел не один десяток лет, удавался только ей.

– Когда переговорю, – бросил Ранситер и продолжил: – Как часто выходит наша реклама по межпланетному телевидению? По-прежнему раз в три часа?

– Не совсем так, мистер Ранситер. В течение дня – да, реклама защитных организаций идет раз в три часа, но в престижное время…

– Надо, чтобы наша реклама шла каждый час, – сказал Ранситер. – Так советует Элла. – Возвращаясь в Западное полушарие, Ранситер вспомнил свой самый любимый рекламный ролик. – Вы знаете, что, согласно постановлению Верховного суда, муж имеет право убить свою жену, если сумеет доказать, что она ни при каких обстоятельствах не дала бы ему развода?

– Да, это называется…

– Плевать, как это называется. Важно, что у нас уже есть соответствующая реклама. Помните?

– Да, вначале показывают этого типа, мужа. Потом присяжных, судью, крупным планом ведущего перекрестный допрос прокурора. Он говорит обвиняемому: «Похоже, что ваша жена…»

– Правильно, – удовлетворенно кивнул Ранситер. Он сам придумал рекламный ролик и считал это еще одним проявлением своего многостороннего ума.

– Как бы то ни было, – продолжал Тэмиш, – то, что исчезнувшие пси работают в группе на одну из крупных компаний, – не слухи. Думаю, нам следует усилить в связи с этим рекламу для предпринимателей. Помните, у нас было: муж возвращается домой, на нем желтый кушак, юбка из листьев, кафтан с рукавами до колен и военное кепи. Он валится на диван, начинает стягивать рукавицы, потом хмурится и говорит: «Слушай, что-то со мной происходит последнее время. То и дело мне кажется, что кто-то читает мои мысли!» А жена в ответ: «Почему бы тебе не обратиться в ближайшую защитную организацию? Они пришлют инерциала, совсем недорого, и ты снова обретешь уверенность в себе!» Тогда он широко улыбается и говорит: «А знаешь, это гадкое чувство уже…»

Миссис Фрик снова появилась в дверях, очки на носу мелко дрожали.

– Я вам перезвоню, Тэмиш, – вздохнул Ранситер. – Связывайтесь с телевидением и запускайте наши программы ежечасно, как я указал. – Он положил трубку и молча посмотрел на миссис Фрик. Потом произнес: – Я специально летал за этим в Швейцарию, поднял Эллу, и она дала мне такой совет.

– Прошу вас, миссис Вирт, мистер Ранситер освободился.

В комнату вкатилась нелепого вида толстуха. Круглое тело устремилось прямиком к столу, голова при этом подпрыгивала, как баскетбольный мяч.

Посетительница тут же уселась в кресло и вытянула неожиданно тощие ноги. Старомодное шелковое пальто-паутина делало ее похожей на добродушного жука, угодившего в паучьи тенета.

Женщина улыбалась и вела себя совершенно раскованно. Далеко за сорок, определил для себя Ранситер. О фигуре уже и речи быть не может.

– К сожалению, миссис Вирт, – начал Ранситер, – я не могу уделить вам много времени, поэтому давайте сразу перейдем к делу. Что у вас произошло?

– Видите ли, – заговорила миссис Вирт не к месту радостным и бодрым тоном, – нас начали тревожить телепаты. Во всяком случае, так нам кажется. У нас есть свой телепат, человек, которому мы доверяем, он постоянно находится среди наших сотрудников. Его обязанность – немедленно извещать руководство в

случае обнаружения какого-либо пси-воздействия со стороны телепатов или прогностов. На прошлой неделе он таковое воздействие обнаружил. Мы обратились к услугам одной частной фирмы, и они представили сводку о возможностях различных защитных организаций. Ваша занимает среди них первое место.

– Я это знаю. – Ранситер кивнул. Ему тоже приходили подобные сводки. В данном случае дело не сулило особой прибыли, хотя требовало определенного внимания.

– Сколько телепатов, – спросил он, – засек ваш человек? Больше одного?

– Как минимум двоих.

– А может, и больше?

– Вполне возможно.

– Мы работаем следующим образом, – сказал Ранситер. – Вначале измеряется объективная величина пси-поля, это нужно для определения объема работ. Как правило, измерения занимают от одной недели до десяти дней, в зависимости…

– Мой шеф настаивает, чтобы вы прислали инерциалов немедленно, – перебила его миссис Вирт, – без поглощающих уйму денег и времени тестов.

– Но так мы не узнаем, сколько потребуется инерциалов. И каких именно. И где их необходимо разместить. Анти-пси-операция требует серьезной подготовки, мы не размахиваем волшебной палочкой и не рассыпаем отраву по углам. Мы должны уравновесить людей Холлиса индивидуально, на каждый талант выставить антиталант. Если Холлис принялся за вашу фирму, он проделал это именно так: вводил одного пси за другим. Кто-то проникает в отдел кадров, принимает на работу другого, тот в свою очередь набирает в свой отдел нужных людей, и так далее… Иногда на это уходят месяцы. Мы не можем за двадцать четыре часа свести на нет их многодневную деятельность. Серьезная пси-операция – как мозаика, ни они, ни мы не можем позволить себе поспешности.

– Мой шеф, – радостно остановила Ранситера миссис Вирт, – просит поторопиться.

– Я поговорю с ним. – Ранситер потянулся к видеофону. – Кто он и какой у него номер?

– Вы будете вести дело через меня.

– Я, может быть, вообще ничего не буду вести. Почему вы не говорите, кого вы представляете?

Ранситер незаметно нажал потайную кнопку под крышкой стола.

В соседнюю комнату немедленно явилась дежурный телепат Нина Фрид для прощупывания мыслей клиентки. «Пока я не выясню, с кем имею дело, – подумал Ранситер, – я не пошевелю и пальцем. Может случиться, что меня нанимает сам Рэй Холлис».

– Вы чересчур скованы своими условностями, – сказала миссис Вирт. – Мы всего-навсего просим ускорить процесс. И то потому, что иначе не можем. Скажу только одно: операция, к которой они подключились, проводится нами не на Земле. Учитывая возможную прибыль и понесенные на сегодняшний день затраты… Это наша приоритетная программа. Мой шеф вложил в нее все свободные средства. Все держалось в строжайшем секрете. Каково же было наше потрясение, когда выяснилось, что телепаты…

– Простите. – Ранситер поднялся и подошел к двери. – Я уточню, сколько людей мы можем подключить к работе прямо сейчас.

Прикрыв за собой дверь, он быстро обошел прилегающие помещения. В одной из комнат курила и настраивалась на работу Нина Фрид.

– Выясните, кого она представляет, – приказал Ранситер. – А потом узнайте, что у них вообще на уме.

«Сейчас у нас тридцать восемь незанятых инерциалов, – прикинул Ранситер. – Не исключено, что на это дело мы выставим всех или почти всех. И, может быть, я

наконец выясню, куда запропастились лучшие дарования Холлиса. Вся чертова шайка».

Ранситер вернулся в кабинет и занял свое место за столом.

– Если к вашему проекту подключились телепаты, то вам придется смириться с тем, что он уже не является секретом. Независимо от того, сколько технических подробностей им удалось выяснить. Почему бы вам не рассказать мне, в чем суть ваших планов?

– Дело в том, – неуверенно протянула миссис Вирт, – что я и сама этого не знаю.

– И где все происходит – тоже?

– Вот именно.

– Знаете ли вы, кто ваш шеф?

– Я работаю в одном из филиалов и знаю только своего непосредственного руководителя, это мистер Шепард Говард, но на кого работает он, мне неизвестно.

– Если мы предоставим вам необходимых для операции инерциалов, сообщат ли нам, куда их направят?

– Может быть, и нет.

– А если они не вернутся?

– Почему они должны не вернуться? После того, как они обезопасят наш проект…

– Известно, что люди Холлиса иногда убивают посланных для их нейтрализации инерциалов. Я не могу отправлять своих сотрудников черт знает куда…

Спрятанный в левом ухе микрофон зажужжал, и Ранситер услышал тихий, но отчетливый голос Нины Фрид:

– Миссис Вирт работает на Стентона Мика. Она его доверенный помощник. Человека по имени Шепард Говард не существует. Проект, о котором идет речь, осуществляется главным образом на Луне и имеет прямое отношение к «Техпрайз» – исследовательской программе Мика, в которой миссис Вирт принадлежит контрольный пакет акций. Технических подробностей она не знает, научные расчеты, выкладки и рабочие сводки ей не предоставляются, из-за чего она, кстати, страшно злится. Общая идея проекта ей, конечно, известна. Если предположить, что доходящие до нее сведения верны, то речь идет о радикально новом, дешевом способе межзвездных сообщений с околосветовой скоростью. Идею можно выгодно продать любой достаточно крупной политической или этнической группе. В конечном счете это означает конец правительственной монополии на межзвездные путешествия.

Нина Фрид отключилась, и Ранситер откинулся в кожаном кресле-качалке с ореховыми подлокотниками.

– О чем задумались? – бодро поинтересовалась миссис Вирт.

– Думаю, – проворчал Ранситер, – сумеете ли вы оплатить наши услуги. Без предварительных замеров я могу лишь приблизительно определить количество необходимых инерциалов. Получается около сорока.

Ранситер нисколько не сомневался, что Стентон Мик способен оплатить любое количество специалистов.

– Сорок, – повторила миссис Вирт. – Гм. Приличная компания.

– Чем больше мы подключим людей, тем быстрее удастся решить проблему. Поскольку вы торопитесь, мы запустим всех одновременно. Если вы уполномочены подписать договор подряда от имени своего хозяина, – Ранситер решительно ткнул в нее пальцем, но миссис Вирт и не моргнула, – и готовы прямо сейчас внести задаток, думаю, мы могли бы уложиться в семьдесят два часа.

Он пристально уставился на посетительницу.

Из микрофона донеслось:

– Как владелец «Техпрайза» она имеет все права, чтобы распоряжаться имуществом фирмы, вплоть до общей ее стоимости. В данный момент она подсчитывает, во сколько это может обойтись по нынешнему рыночному курсу. – Микрофончик замолк и через некоторое время снова ожил: – По ее подсчетам, выходит несколько миллиардов кредиток. Но она не хочет брать на себя ответственность, предпочитает, чтобы вопрос решили адвокаты Мика, даже если это потребует нескольких лишних дней.

«Но они же торопятся, – подумал Ранситер. – Во всяком случае, пытаются так представить дело».

– Она подозревает, – ответил микрофончик, – что вы знаете или догадались, кто за ней стоит, и боится, что вы поднимете расценки. Мику известна репутация своей фирмы, потому он и работает через подставных лиц. С другой стороны, им действительно позарез нужны инерциалы, и они готовы раскошелиться.

– Сорок инерциалов, – задумчиво пробормотал Ранситер и принялся подсчитывать на специально для этих целей заготовленном листке бумаги. – Значит, так: шесть по пятьдесят, умножить на три и еще на сорок.

Несмотря на застывшую счастливую улыбку, миссис Вирт с видимым напряжением ожидала конечного результата.

– Интересно, – сказал Ранситер, – кто заплатил Холлису за подключение к проекту его людей?

– Думаю, что большой роли это не играет, – ответила миссис Вирт. – Важно, что они к нему подключились.

– Иногда этого так и не удается узнать, – заметил Ранситер. – Впрочем, вы правы, если у вас на кухне завелись муравьи, вы от них избавляетесь и не ломаете себе голову, откуда они взялись.

Ранситер закончил вычисления и пододвинул листок миссис Вирт. Не в силах оторвать глаз от впечатляющей суммы, посетительница попыталась встать.

– У вас есть комната, где я могла бы побыть одна? И если можно, я бы хотела позвонить Говарду.

Ранситер тоже встал:

– Маловероятно, чтобы в какой-либо защитной организации сразу нашлось столько свободных инерциалов. Ситуация может измениться и у нас. Так что советую вам не терять времени.

– Вы уверены, что их потребуется так много?

Ранситер взял миссис Вирт под руку и провел в кабинет, где были вывешены рабочие карты фирмы.

– Вот здесь, – показал он на карту, – можно видеть местонахождение наших сотрудников, а также инерциалов других защитных организаций. Кроме того, мы фиксируем, по мере возможности, местонахождение всех пси Холлиса. – Он задумчиво пересчитал снятые с карты флажки, означавшие потерянных телепатов. Последним был С. Доул Мелипон. – Теперь я знаю, где они все.

С лица миссис Вирт медленно сползла фальшивая радостная улыбка. Она поняла, чем могут им грозить лежащие рядом с картой флажки. Ранситер вложил в ее влажные пальцы значок С. Доула Мелипона и сжал их.

– Здесь вы можете спокойно все обдумать. Вот видеофон. Я буду у себя.

Направляясь к двери, Ранситер поймал себя на мысли, что полной уверенности в отношении того, где находятся исчезнувшие люди Холлиса, у него нет. С другой стороны, Стентон Мик сам отказывается от проведения объективных измерений. Так что, если в результате всего к работе будут подключены лишние инерциалы, – это его вина.

По закону Ранситер обязан был информировать Защитное общество об обнаружении пропавших пси. На это отводилось пять дней, и Ранситер решил ждать до последнего. Подобной возможности заработать могло больше и не представиться.

– Миссис Фрик, – сказал он, входя в приемную, – подготовьте контракт об использовании наших инерциалов количеством в сорок… – Ранситер осекся.

В комнате находились еще двое. К виду изможденного и похмельного Джо Чипа Ранситер давно привык, разве что сегодня Джо выглядел мрачнее обычного. Но сейчас рядом с ним расположилась длинноногая девушка с взлохмаченными черными волосами и сияющими бархатными глазами. Искрящейся красотой она освещала все вокруг, будто тяжелым, безжалостным огнем.

Ранситеру показалось, что девушка недовольна своей внешностью, устала от гладкости кожи и припухлости губ. Он подумал, что она, наверное, только что с постели. Растрепана. Недовольна предстоящим днем. Да и всеми остальными днями тоже.

Подойдя к ним, Ранситер спросил:

– Надо полагать, Дж. Дж. вернулся из Топеки?

– Это Пат, – сказал Джо Чип. – Просто Пат.

Посмотрев на Ранситера, он вздохнул. Чип выглядел изрядно помятым, хотя чувствовалось, что в глубине души он не сдается. За внешней побитостью угадывалась большая жизненная сила. Ранситеру всегда казалось, что Джо усиленно симулирует душевный упадок, на самом деле он – темная лошадка.

– Каков ваш талант? – спросил девушку Ранситер.

– Антикетогенезис, – промурлыкала она, вытянувшись в кресле.

– Это что?

– Предотвращение кетозиса, – равнодушно пояснила она. – Как при введении глюкозы.

– Поясните. – Ранситер резко повернулся к Джо.

– Дай мистеру Ранситеру проверочный лист.

Слегка выпрямившись, девушка вытащила кошелек, порылась в нем и протянула Ранситеру помятый желтый лист с результатами проверки.

– Потрясающе! – воскликнул Ранситер, взглянув на цифры. – Что, в самом деле? – Он повернулся к Джо и только тогда заметил два подчеркнутых крестика – графический приговор и, по сути дела, предательство Пат.

– Лучше ее я пока не встречал. – Джо кивнул.

– Пройдемте в мой кабинет, – предложил Ранситер и направился к двери, едва не столкнувшись с ворвавшейся в приемную толстой миссис Вирт.

– Я связалась с мистером Говардом, – задыхаясь, проговорила она. – Он меня полностью проинструктировал. – Увидев Пат и Джо, миссис Вирт осеклась, но решила продолжать: – Мистер Говард хочет, чтобы все формальности были улажены немедленно. Полагаю, мы могли бы начать прямо сейчас. Я уже говорила, как много для нас значит фактор времени. – Повернувшись к Пат и Джо, миссис Вирт изобразила стеклянную улыбку. – Если не возражаете, вам придется немного подождать. Мой разговор с мистером Ранситером не терпит отлагательств.

Пат презрительно рассмеялась. От низких, горловых ноток Ранситеру вдруг стало не по себе.

– Подождать придется вам, миссис Вирт. – Он указал на кресло. – Присядьте.

Ранситер перевел взгляд на Пат, потом на Джо, и его страх усилился.

– Я готова назвать точное число необходимых инерциалов, – не унималась миссис Вирт. – Мистер Говард считает, что мы сами можем оценить наши потребности.

– И сколько же? – спросил Ранситер.

– Одиннадцать.

– Мы подпишем контракт немного погодя, когда я освобожусь.

Вытянув огромную ручищу, он жестом пригласил в кабинет Джо и девушку, закрыл за ними дверь и занял свое место за столом.

– Они в жизни не справятся с одиннадцатью инерциалами. И с пятнадцатью тоже. И с двадцатью. Особенно если там замешан С. Доул Мелипон. – Теперь Ранситер испытывал одновременно тревогу и усталость. – Это, как я понял, и есть наш потенциальный стажер, которого Дж. Дж. нашел в Топеке? Ну, раз вы с Эшвудом сошлись во мнениях, мы ее, конечно, возьмем.

«Может, направлю ее прямиком к Мику, – подумал Ранситер. – В числе тех одиннадцати. Никто, правда, мне до сих пор не сказал, какой пси-талант она нейтрализует».

– Миссис Фрик говорит, вы летали в Цюрих, – сказал Джо. – Что советует Элла?

– Больше рекламы. По телевидению. Каждый час. – Нажав кнопку селектора, Ранситер добавил: – Миссис Фрик, подготовьте трудовое соглашение между нами и… скажем, Джейн Доу, поставьте начальный оклад, оговоренный соглашением союза в декабре прошлого года, и укажите…

– А какой у вас начальный оклад? – с детской недоверчивостью спросила Пат.

Ранситер внимательно на нее посмотрел:

– Я пока еще не знаю, что вы умеете делать.

– Это антипрогност, Глен, – хрипло сказал Джо Чип. – Но весьма своеобразный.

Объяснять он не стал, и Ранситеру показалось, что Джо Чип действительно иссяк, остановился, как старые часы на батарейках.

– Она готова к работе? Или нужны учеба и стажировка? У нас, кстати, почти сорок незанятых инерциалов. Мы берем еще одного. Сорок… ну, минус одиннадцать. Тридцать бездельников сидят на полном окладе и ковыряют в носу. Не знаю, Джо, честное слово, не знаю. Может, нам стоит поувольнять

поисковиков? Как бы то ни было, я, кажется, нашел, где все пси Холлиса. Расскажу наедине. – Наклонившись к селектору, Ранситер добавил: – Укажите в контракте, что мы можем уволить Джейн Доу без предварительного уведомления, без выходного пособия или какой-либо компенсации. Первые девяносто дней работы ей не идет пенсионный стаж, не оплачивается медицинская страховка и больничные.

Посмотрев на Пат, Ранситер сказал:

– Начальный оклад для всех сотрудников у нас составляет четыреста кредиток в месяц при двадцатичасовой рабочей неделе. Кроме того, вам придется вступить в профсоюз работников защитных организаций. Правило действует уже три года, и я не властен что-либо изменить.

– Я зарабатываю больше, ремонтируя видеофонные реле в кибуце Топеки. Ваш поисковик мистер Эшвуд говорил…

– Поисковики могут плести что угодно, – оборвал ее Ранситер. – По закону мы не отвечаем за их обещания. Ни одна защитная организация не отвечает за слова своих поисковиков.

Дверь приоткрылась, и в кабинет с отпечатанным контрактом в руке протиснулась миссис Фрик.

– Благодарю вас, – буркнул Ранситер, забирая бумагу. Посмотрев на Джо и Пат, он сказал: – Моей жене двадцать лет. Она заморожена в саркофаге. Когда эта изумительная женщина говорит со мной, ее вытесняет какой-то мерзкий юнец по имени Джори, и мне приходится общаться с этим ублюдком.

«Элла медленно угасает в полужизни, а я целыми днями вынужден любоваться каргой-секретаршей!»

Глядя на Пат, на ее непокорные черные волосы и чувственный рот, Ранситер ощутил неясный, бесцельный и несчастливый порыв, поднявшийся из самых глубин его души и туда же вернувшийся, словно по идеально правильному геометрическому кругу.

– Я подпишу, – сказала Пат и взяла ручку с письменного стола.

Глава 5

За время долгого вынужденного безделья антителепат Типпи Джексон привыкла спать до полудня. Вживленные в мозг электроды стимулировали быстрое движение глаз, и сны Типпи между перкалевыми простынями были интересны.

На сей раз ей приснился таинственный агент Холлиса, наделенный невероятной пси-энергией. Всех прочих инерциалов Солнечной системы, кто благоразумно не отказался от задания, этот сверхъестественный феномен просто смешивал с грязью. Теперь дошла очередь и до нее.

– Я сам не свой в твоем присутствии, – заявил ей загадочный противник, и лицо его исказила дикая и злобная гримаса, делавшая его похожим на взбесившуюся белку.

Во сне Типпи ответила:

– Вашим взглядам на самостоятельную систему недостает определенности. Из бессознательных проявлений, над которыми человек, кстати, не властен, вы создали шаткую теорию личности. Поэтому я и внушаю вам страх.

Нервно оглядевшись, телепат Холлиса спросил:

– Разве ты не из защитной организации?

– Неужели с вашим изумительным даром вы не можете прочесть мои мысли?

– Не могу! – огрызнулся телепат. – Мой талант пропал. Поговорите лучше с моим братом Биллом. Эй, Билли, как тебе эта леди?

Похожий на своего братца-телепата Билл откликнулся:

– Мне-то что, я прогност, на меня она не действует. – При этом он переминался с ноги на ногу и скалился, обнажая огромные серые и тупые, как лопата, зубы. – «Меня природа лживая согнула и обделила красотой и ростом…» – Он запнулся и наморщил лоб. – Как там дальше, Мэт?

– «Уродлив, исковеркан и до срока я послан в мир живой; я недоделан…» – продолжил, почесываясь, брат-телепат.

– Ну да, вспомнил. «Такой убогий и хромой, что псы, когда пред ними ковыляю, лают…» Это из «Ричарда Третьего», – пояснил он Типпи.

Братья одновременно улыбнулись. Даже клыки у них были тупыми, как будто питались они исключительно сырыми семенами.

– И что это значит? – спросила Типпи.

– А то, – в унисон ответили Билл и Мэт, – что сейчас мы тебя…

От звонка видеофона Типпи проснулась. Пошатываясь, моргая, с цветными кругами перед глазами она наконец добралась до трубки.

– Алло?

На экране возникло лицо Глена Ранситера.

– Здравствуйте, мистер Ранситер. – Типпи поспешила выйти из поля зрения видеокамеры. – Есть работа?

– Рад, что застал вас, миссис Джексон, – прогудел Ранситер. – Мы с Джо Чипом формируем группу, всего одиннадцать человек, для особо важного задания. Мы просмотрели личные дела всех сотрудников. Джо считает, что вы подходите, и я с ним согласен. Как скоро вы сможете добраться?

Голос Ранситера звучал вполне оптимистично, но лицо на экране выражало тревогу и озабоченность.

– Придется куда-нибудь ехать? – спросила Типпи.

– Да, укладывайте вещи. – Строгим тоном Ранситер добавил: – Предполагается, что вы всегда готовы к отъезду. Таково наше условие, и я бы не хотел, чтобы его нарушали, тем более сейчас, когда…

– Я уже собрана. Через пятнадцать минут буду в конторе. Только оставлю записку мужу, он сейчас на работе.

– Хорошо-хорошо, – озабоченно сказал Ранситер; похоже, он уже думал о следующем человеке в своем списке. – До свидания, миссис Джексон.

«До чего странный сон, – думала Типпи, переодеваясь. – Что они там читали, Мэт и Билл? Из «Ричарда Третьего», – вспомнила она, и перед глазами опять встали их огромные тупые зубы и шишковатые головы с пучками похожих на сорняки рыжих волос.

«А я, кажется, не читала «Ричарда Третьего». А если и читала, то в далеком детстве. Как могут присниться стихи, которых ты не читала? – подумала Типпи. – Может, пока я спала, ко мне подключился телепат? А может, телепат вместе с прогностом, как во сне? Пожалуй, стоит поинтересоваться в исследовательском отделе, не работает ли случайно у Холлиса команда братьев по имени Мэт и Билл».

Встревожившись не на шутку, она начала торопливо одеваться.

Раскурив толстую гаванскую сигару, Рей Глен Ранситер откинулся в роскошном кресле и нажал кнопку селектора:

– Миссис Фрик, выпишите премиальный чек на сто кредиток на имя Дж. Дж. Эшвуда.

– Слушаюсь, мистер Ранситер.

Дж. Дж. Эшвуд с маниакальной неутомимостью расхаживал по огромному кабинету шефа, стуча подошвами по натуральному паркету, чем весьма раздражал Ранситера.

– Похоже, Джо Чип не сумел мне объяснить, что она делает, – проворчал Ранситер.

– Джо Чип – просто олух.

– Как удается Пат погружаться в прошлое? Готов поклясться, это не новый талант, просто наши агенты до сих пор его не замечали. В любом случае нелогично со стороны защитной организации брать на работу такого человека. У нее способность, а не антиспособность. Нам нужны…

– Я уже объяснял, и Джо подтверждает это в своем рапорте: она нейтрализует прогностов.

– Скорее побочный эффект, – задумчиво проговорил Ранситер. – Джо считает ее опасной. Не пойму почему.

– А вы не спросили?

– Он, как обычно, юлит. У Джо никогда нет аргументов, одни предчувствия. Кстати, он намерен включить ее в операцию Мика.

Ранситер порылся в лежащих на столе бумагах и переложил их по-другому.

– Пригласите Джо, посмотрим, что с нашей группой. – Ранситер взглянул на часы. – Сейчас все соберутся. Я лично считаю, что включать в группу эту Пат Конли – безумие. Ты не согласен, Дж. Дж.?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/filip-dik/ubik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити